

Вашего Сіятельства, и препоручаю себя и впредь высокой Вашей благосклонности.

Съ душевнымъ почтеніемъ и совѣршенной преданностію, имѣю честь быть,

Милостивый Государь Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ

27 Февр. 1833

С. П. Б.

Это письмо является ответом на отношение военного министра гр. А. И. Чернышева от 25 февраля 1833 г. при послыке Пушкину архивных материалов, переплетенных в книги, касающихся Суворова. Одновременно министр в ответ на письмо Пушкина от 7 февраля¹ в своем отношении сообщает, „что следственные дела о Пугачеве, равно как донесений Графа Суворова 1794 и 1799 годов и приказов его войскам, не находится в С.-Петербургском архиве инспекторского департамента“. По миновании надобности в посылаемых материалах министр просит „возвратить оныя“. (Переписка Пушкина под ред. В. И. Саитова, изд. Ак. наук, т. III, стр. 4, 9). Просимые Пушкиным материалы были нужны ему для работы над „Историей Пугачевского бунта“. (См. статью Н. Фирсова „Условия, при которых Пушкину приходилось работать над историей Пугачевского бунта“ в XI т. акад. изд. соч. Пушкина. Канцелярская переписка о занятиях Пушкина в архивах приведена в книге Н. Гастфрейнда „Пушкин. Документы государств. и С.-Петербургского главного архивов министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831—1837 гг.“, СПб. 1900).

Н. Ашурин

III

Неизвестная запись Пушкина

1

Две темы, два интереса характерны для пушкинского творчества и пушкинского мышления 30-х годов: тема бунта и заинтересованность исторической ролью дворянства. Из скре-

¹ Этим числом письмо помечено, вероятно, ошибочно, вместо 9-го, так как является ответом на письмо гр. Чернышева от 8 февраля, запрашивавшего Пушкина, какие именно материалы, касающиеся Суворова, ему нужно получить из военного министерства. (См. Я. Грот, «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники». СПб. стр. 119).

щивания этих двух вопросов, пробуемых Пушкиным на оселках разных жанров, выросли и „Родословная моего героя“, и „Моя родословная“, и „Медный Всадник“, и „Дубровский“, и „Капитанская дочка“.

Но для понимания Пушкина-художника в этой области особо важно знание Пушкина-теоретика, Пушкина-мыслителя.

Можно считать, что вопрос о дворянстве — как проблема осмысления собственного положения Пушкина и подобных ему в общественной жизни его времени — эта проблема для Пушкина возникла еще в 1822 г. (Исторические заметки), прокалилась в огне 1825 г. и встала перед ним во весь рост в 1830 г. Уже весной 1830 г. Пушкин несомненно приступил к литературному оформлению и уточнению своих мыслей на этот счет. 16 марта он писал Вяземскому: „Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу“.

Статьи об „Истории русского народа“ Полевого и реакция на статью Булгарина были новыми толчками к уточнению общественно-политических взглядов Пушкина. В отрывке „Вы как откровенны...“¹ Пушкин устами „испанца“ (испанец или англичанин часто появляется как маска в тех случаях, где надо высказать собственные взгляды!) ставит ряд вопросов: „Что такое русская аристократия? На чем она основывается?“ Ответ, интересующий Пушкина, здесь уже дан: „Древнее русское (дворянство)... упало в неизвестность и составило род третьего состояния“. А между тем эта наша „дворянская чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха“. И этой группе иронически противопоставляется „Настоящая аристократия наша“, которая „с трудом может назвать и своего деда...“

Эта мысль о двух родах дворянства, как известно, становится лейтмотивом всех высказываний Пушкина, лишь только он заговорит на эту тему. А заговаривает он о ней по всякому поводу, особенно около 1833 г. („Родословная моего героя“, Дневник, заметки „о дворянстве“ и др.).

Из многих размышлений об „аристократии“ возьмем еще некоторые: „Аристократию нашу составляет дворянство новое, древнее же пришло в упадок; его права уравниены с правами прочих сословий, великие имения давно раздроблены, уничтожены“

¹ Собрание сочинений, изд. «Красной нивы», т. IV, стр. 491. Ю. Г. Оксман датирует отрывки 1829—1830 гг.

(О „Борисе Годунове“ 1831 г.). В „Романе в письмах“: „Мы проживаем в долг наши будущие доходы—и разоряемся... Древние фамилии приходят в нищенство, новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять. К чему ведет такой политический материализм?“ Любопытна заметка: „Аристократия чина не заменит аристократии родовой“.¹ Устами героя Пушкин прибавляет: „Я без прискорбья никогда не мог видеть уничижения наших исторических родов. Никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат...“

Тема двух дворянств—это прежде всего тема „Дубровского“, что особенно ярко явствует из вычеркнутых Пушкиным мест о происхождении Троекурова и Дубровских. Эта же тема о двух дворянствах и о вопросе дворянской чести—тема „Капитанской дочки“, приоткрытая ее эпитафией. Я пробовал показать,² что вопрос о дворянстве—один из центральных в работе Пушкина над „Историей Пугачева“, в работе над слоем вторичных примечаний и в работе над историческими источниками, имевшимися в библиотеке Пушкина. Анализ пушкинских взглядов, особенно рельефно данных им в проекте статьи „о дворянстве“, будет, однако, не полон, если не привлечь обращений Пушкина к западноевропейским писателям, думавшим и высказывавшимся на близкие темы. Иногда они помогают Пушкину уяснить собственные воззрения, дают аналогии, историческую мотивировку. Здесь прежде всего приходят на мысль знакомые ему Маккиавелли, Гизо, Барант, Тьерри. Он сам указывает: „Я согласен с Лабрюером: рисоваться пренебрежением к своему происхождению—черта смешная в parvenu и позорная в дворянине“. Несомненно, западные мыслители были в этой области иногда учителями Пушкина, иногда просто использовались им, когда он находил их мысли созвучными своим.

2

Мне удалось обнаружить еще одно новое свидетельство того, как широка была заинтересованность Пушкина вопросами этого рода и как жадно, как любовно отмечал он все, что шло „в ногу“ с его собственной мыслью.

В рукописном отделении Института русской литературы Академии наук СССР имеется писанная рукой Пушкина запись, сопровождаемая следующей архивной пометкой: „Выписка,

¹ Собрание сочинений, изд. «Красной нивы», т. IV, стр. 501.

² «Литературная учеба», 1930, № 4.

сделанная Пушкиным А. С. по-английски, с пометой внизу: Вауг, Автогр. Найдено Модзалевским Б. Л. при разборе библиотеки Пушкина (I л.)“.

В виду того что эта запись никак не была отмечена Б. Л. Модзалевским ни в его „Описании пушкинской библиотеки“, ни в его картотеке, ни в каком-либо другом месте, а также на нее никогда не обращалось внимания никем другим из исследователей и содержание ее не только не подвергалось комментарию, но даже не было переведено, считаю возможным говорить о ней как о неизвестной. Она представляет собою восемь строк (не считая подписи), четко и без помарок написанных вверху страницы карандашом пушкинской рукой. Одно слово не дописано. Крупная подпись неразборчива и заканчивается подчеркивающим ее широким росчерком. Бумажный белый лист малого формата был сложен вчетверо и конец его загнут. Он лежал в книжке небольшого формата—видны слабые отпечатки букв книги, из которой он, видимо, выпал при разборе библиотеки Пушкина. Водяного знака нет.

Привожу текст:

It is a reverend thing to see an
ancient castle or building not in
decay, or to see a fair tim-
ber-tree sound and perfect;
how much more to behold an
ancient noble family, which
hath stood again the wav(es)
and weathers of time.

В переводе: „Достойная уважения вещь видеть древний замок либо постройку не в упадке, или видеть прекрасное строевое дерево крепким и целым. Сколь еще более (достойно уважения) взирать на древний дворянский род, который выстоял против волн и непогод времени“.

Как видим, эта элегическая выписка на тему об „упадке“ замка-рода крайне близка пушкинским стихам:

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух...
...Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава...

и как нельзя лучше гармонирует с собственными пушкинскими высказываниями, укладывается как нельзя более иллюстрацией того состояния поэта, когда он сам не знал, выстоит ли он—

шестисотлетний дворянин— „против волн и непогод“ своего времени. Береги честь—это та же тема...

Выписки Пушкина с иностранного порой заставляют исследователя настораживаться, подозревая наличие какой-либо мистификации, тем более, что подпись, которую можно на первый взгляд прочесть как Raw или Baur (как прочел Модзалевский), заставляет теряться в догадках. Однако наличие в тексте старинной глагольной формы (hath) и характерный параллелизм сравнения говорят о старо-английском тексте.

Анализ подписи привел меня к заключению, что ее надо читать — В а с о п.

Действительно, в оригинальном собрании сочинений Фрэнсиса Бэкона¹ мне удалось найти сравнение, дословно выписанное Пушкиным.

Обращался ли Пушкин к сочинениям Бэкона или нашел цитату из него в какой-нибудь книге?.. Сочинений Бэкона в библиотеке Пушкина не сохранилось. Я склоняюсь к первому предположению. Дело в том, что сравнение Бэкона — не случайно, оно находится в одном из самых интересных политически-значительных мест его сочинений, в *Essays or Counsels Civil a. Moral*. Именно это — XIV главка, называющаяся *Of Nobility* — О дворянстве.² Глава эта не только должна была заинтересовать Пушкина, но и во многом совпадает с его концепциями. Ведь он и сам около 1833 г. подготавливал свою статью о дворянстве. Поэтому останавливаюсь на выдержках из статьи Бэкона:

О ДВОРЯНСТВЕ

„Мы будем говорить о дворянстве сперва как о части государства, затем как об условии для отдельной личности. Монархия, там где вовсе нет дворянства, есть всегда чистая и абсолютная тирания, каковой она является у Турок. Дворянство смягчает неограниченную власть и до некоторой степени отвращает взоры народа от королевской фамилии. Что касается до демократий, то они в дворянстве не нуждаются; и они обычно более спокойны и менее подвержены мятежам, чем (тот строй) где есть дворянские фамилии.

¹ The works of Francis Bacon, collected a. edited by J. Spedding, M. A., R. Leslie Ellis, M. A. a. D Denon Heath, London, 1873, vol. VII.

² Глава эта разрезана в экземпляре сочинений Бэкона, принадлежавшем В. А. Жуковскому. Возможно, что Пушкин пользовался именно этим изданием.

... Уважаемое и могущественное дворянство увеличивает блеск монарха, но уменьшает его власть... Хорошо, чтобы дворянство не было слишком могущественно в ущерб интересам суверенитета и правосудия, но чтобы оно все-таки сохраняло достаточную силу“.

Это напоминает разговор Пушкина с великим князем в 1833 г.: „Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне“.¹

Но всего любопытней у Бэкона следующее место:

„Многочисленное дворянство вызывает бедность и затруднения в государстве; ибо это — издержки, расходы; кроме того, неизбежно дворяне впадают в упадок — это создает своего рода неравенство между достоинством (honour) и средствами“.

Здесь Бэкон переходит к рассмотрению того, „что касается до дворянства как отдельных личностей“, и вот именно тут-то и находится заинтересовавшее Пушкина место, выписанное им.² Непосредственно же за этим местом дается формулировка: „Новое дворянство есть всего лишь дело силы; но древнее дворянство есть дело времени“.

Таким образом взятая Пушкиным цитата оказывается вырванной из наиболее совпадающего с его собственной точкой зрения контекста, что и заставляет думать, что он интересовался всею статьей Бэкона, обращался непосредственно к Бэкону.

Мне остается указать, что следы интереса к Бэкону у Пушкина как будто можно нащупать в 1836 г. В курсе Мезиера „Histoire critique de la littérature Anglaise depuis Bacon jusqu'au commencement du 19 siècle, Paris, 1834“, курсе имевшемся у Пушкина с 20 июня 1836 г., первая статья посвящена Бэкону, и именно она заложена Пушкиным закладкой (стр. 8—9). Зная о Бэконе-философе, Пушкин, конечно, знал и бытовую легенду, связанную с его именем. Достаточно вспомнить, что, читая „Дон Жуана“ Байрона, он встречал ряд упоминаний о нем и о том, „что оленей крал Шекспир“,³ что славный Бэкон взятки брал открыто“ (III, 92; XIV, 8; XV, 18); знал он, конечно, и мнение, высказанное по этому поводу Вольтером в „Письмах об Англичанах.“

¹ «Дневник Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, 1923, стр. 24.

² Ср. также ту же статью «О дворянстве» в VI т. упомянутого издания сочинений Бэкона (стр. 549), где она дана с некоторой перестановкой материала и прямо начинается фразой: «It is a reverend thing» и т. д. (гл. 7).

³ Так называемого «Шекспиро-Бэконовского вопроса» еще не существовало во время Пушкина.

Пушкин упоминает имя Фрэнсиса Бэкона и раньше в своих „Мыслях на дороге“ (1833—1835 гг.). Цитируя в главе „Ломоносов“ слова Радищева о „Баконе Веруламском“, Пушкин замечает: „Радищев говорит, что Ломоносов ни в какой отрасли наук не проложил новых следов.. и тут же сравнивает его с лордом Бэконом!.. Такое странное понятие имел XVIII век о величайшем уме новейших времен, о человеке, произведшем в науках сильнейший переворот и давшем им то направление, по которому текут они ныне..“

Так устанавливается связь между Пушкиным и философом, о котором К. Маркс впоследствии сказал: „Настоящим родоначальником английского материализма и всей опытной науки новейшего времени был Бэкон“.

Д. Якубович

IV

Встреча с Пушкиным

(24—26 октября 1831 г.)

Печатающаяся здесь запись о встрече с Пушкиным сохранилась в семейном архиве И. И. Срезневского, академика, слависта, палеографа и археолога (1812—1880 гг.), и принадлежит неизвестному в литературе Ивану Васильевичу Росковшенку (1809—1889 гг.). Описанная в письме Росковшенка только что перед тем происшедшая случайная встреча с Пушкиным имела место в „книжной лавке“ А. Ф. Смирдина. Молчаливый, скромный юноша, Росковшенко, увлеченный поэтом, увидев Пушкина, не смел проронить ни слова и только наблюдал его, сравнивая оригинал с портретом хорошо знакомым ему и его товарищу, которому он пишет. Письмо интересно своей наивной непосредственностью, молодостью и живостью, отчетливо характеризующей автора.

Постоянный житель провинции, Росковшенко тогда в первый раз попал в Петербург в погоне за службой и направляет письмо в Харьков, где два года назад кончил университет, к своему университетскому товарищу И. И. Срезневскому. Это письмо-дневник было по обыкновению Росковшенка бесконечно, с перечислением всех событий дня, рассказами о встречах, рассуждениями, выписками из своих произведений и пр. Оба приятеля, романтики в полном смысле слова, в это время страстно увлекались литературой: Росковшенко был увлечен главным образом стихотворством, Срезневский

З В Е Н Ь Я

СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ XIX ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛАД БОНЧ-
БРУЕВИЧА и А В ЛУНАЧАРСКОГО

II

«А С А Д Е М І А»

МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1 9 3 3

